

Вырезка из газеты

ВЕЧЕРНИЙ
НОВОСИБИРСК

г. Новосибирск

25 МАЯ 1982

«СВЯТАЯ ГОРДЫНЯ»

2207

Завтра исполняется 160 лет со дня рождения французского писателя Эдмона ГОНКУРА.

«Высокий — стройный человек с задумчиво — строгим, хотя нередко улыбающимся, лицом, носящим отпечаток возвышенного благородства. У него длинные седоющие, словно выцветшие, волосы, седые усы и странные глаза с необычно расширенными зрачками». Таким его увидел Мопассан в 1874 году, встретив впервые у Флобера.

В 1887 году, по прошествии семнадцати лет после смерти младшего брата Жюль и уже меньше, чем за 10 лет до собственной кончины, Эдмон Гонкур приступил к изданию их общего дневника. Его скудных сил хватило только начать это грандиозное предприятие, потребовавшее в общей сложности около 70 (!) лет — лишь в 1956 году Гонкуровская академия завершила этот труд, выпустив в свет все 22 тома знаменитого «Дневника».

Подвиг начинался — скандалом. Писатели и критики, враги и друзья, даже родственники дружным озлобленным хором негодовали по поводу избранного Гонкурами оскорбительного способа говорить правду — в глаза и перед лицом общества.

Писатели, искусственные в отборе фактов, прославившиеся своими работами по истории двора и нравов XVIII века, а затем и такими «документальными» романами, как «Жермини Ласерте» и «Сестра Филемена», — Гонкуры оставили потомкам почти стенографически достоверные записи о своих беседах и встречах с Флобером и Золя, Тургеневым и Додэ, Гюго и Дюма, Сент-Бовом и Бодлером, и со многими-многими еще писателями, мыслителями, живописцами своего времени. Это своеобразный репортаж из эпицентра революционных преобразований французской литературы. Свидетельства Гонкуров не потеряли своей ценности для историков и теоретиков литературы по сей день. Но — это и эпатаж! И по сей день многие их оценки не потеряли прелести вызова — и все еще будоражат.

Ведущей в «Дневнике» Гонкуров является проблема художественных исканий развивающегося реализма. Бальзак (еще не получивший, кстати, официального отпущения грехов) для Эдмона Гонкура — великий социальный мыслитель, единственный, кто проник в самую глубину нашего недуга.

Ярчайшим литературным светилom и ближайшим из друзей был для Гонкуров Гюстав Флобер, занявший достойное место в «Дневниках». Однако ни дружба, ни блеск его таланта не воспрепятствовали резко критической оценке романа «Саламбо», который создавался у них на глазах. Причина — отход от принципов реалистической объективности, о чем Эдмон Гонкур и заявлял со всей прямотой: «Оригинальность состоит вовсе не в том, чтобы искать оригинальное в Карфагене, а в том, чтобы его обнаружить рядом с собой».

Что касается реалистического искусства, тут для Гонкуров бессменным авторитетом был наш И. С. Тургенев, что тоже нашло свое отражение в «Дневнике».

В те поры французский театр был подавлен рутинной — настолько, что Гонкуры искали утешения в... цирке, «где не может быть ложного таланта: акробат падает или не падает, вот и все». Цирку Эдмон Гонкур посвятил свой роман «Братья Земгано» — «апофеозом акробатов» назвал его О. Уайльд.

Но и для театра, как оказалось, было сделано немало. В сотрудничестве с режиссером Антуаном Эдмон Гонкур утверждал на французской сцене движение «театрального реализма».

Будучи аристократами и по происхождению, и по положению, и — что самое главное — по духу, Гонкуры, как и большинство писателей их круга, без восторга относились к революционному движению народных масс. Но — будучи, в то же время, революционерами в искусстве, Гонкуры были наделены

острейшим неприятием буржуазии и ясно видели ее историческую обреченность. Для Эдмона Гонкура буржуазное общество — это общество без будущего. Противоречивы его высказывания о Парижской Коммуне, но ее поражение и торжество буржуазной реакции он воспринял как трагедию.

«Дневник» Гонкуров — это человеческий документ высочайшего драматизма. Все в нем — в постоянной динамике, в неумном «волнении от познания истины».

Потрясает драматизм творческий — связанный с борьбой за литературное признание художников-новаторов, «оболганных» критикой и «обобранных» собратьями. Этот драматизм по сей день аукнется в положении о Гонкуровской премии (одной из самых престижных во Франции литературных наград), учрежденной, между прочим, для «поддержки бесвестных тружеников пера».

Не менее драматичны и многие житейские «сюжеты» «Дневников». Тем горше было для Эдмона Гонкура их непонимание. Так, его упрекали в бесчувственности после того, как он опубликовал свои дневниковые записи о болезни и смерти горячо любимого брата Жюль, его второго «я». Между тем — как теперь понятно, трагический документ этот — свидетельство подлинного нравственного подвига Эдмона Гонкура, человека, приверженного литературе до самозабвения.

Он умер на 74-м году, в гостях у старого друга Альфонса Додэ. Надгробную речь произнес Золя. Он вспомнил над могилкой все то, что связывало их более трех десятилетий. И зачитал одно удивительное место из «Дневника» Гонкуров: Эдмон с ужасом думал о том непредставимо далеком будущем, когда земля, по прогнозам Фламариона, обратится в обледенелый безжизненный шар — и книги его (вот в чем весь ужас-то!) немому будет читать. Не веря в бессмертие души, он жадно хотел верить в бессмертие литературы. «Это может вызвать улыбку», — сказал Золя, — и тем не менее... С того дня я еще больше полюбил его, полюбил за гордыню, ту могучую, святую гордыню, что дает веру писателям, в муках рождающим свои произведения».

Р. ДЕРИГЛАЗОВ.